

№ 130 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг. [предпочт. не позднее конца XIV в.]; Г 56) [3]. В издании (НГБ-III: 67) приведено указание П. Аристэ о том, что слово *водмоль* — нижненемецкого происхождения. И эта версия была принята также в ДНД. Однако по фонетическому составу древнерусское слово ближе к скандинавским формам (прежде всего к швед. *vadmal*), а не к нижненемецкой, т. е. прав Фасмер (I: 331), согласно которому слово заимствовано из скандинавского (указано А. Циммерлингом).

№ 132 (10-е – 30-е гг. XIV в.; Г 39) [Г]. Во 2-й строке вместо *Л[о]б[о]ка* (ДНД₂, с. 565) уверенно читается *Л[е]бека*. Далее можно прочесть *т[р]о[и] [н]*..., с вероятной конъектурой *т[р]о[и] [н](ами)* ‘проценты за три года’ (ср. комментарий к № 410). Поскольку для имени *Лебекъ* удовлетворительной этимологии не видно, можно думать, что мы имеем дело с эффектом выпадения начальной гласной после гласной предлога, типа у *Вана* (у Ивана) № 495 или *досени* (до осени) № 724 (см. ДНД₂: 71). В таком случае имя могло иметь вид *Улебекъ* или *Алебекъ*, представляя собой результат фонетической адаптации тюркского по происхождению антропонима (*Улубекъ* или *Алибекъ*, см. Расоньи, Баски 2007: 48, 817). Ср. о других вероятных антропонимических тюркизмах в берестяных грамотах комментарий к № 71, 729.

№ 137 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 39) [Г]. Реконструируемое в начале 3-й строки (*п*)оло дъжи (ДНД) содержало бы единственный в грамоте случай замены *ъ* на *о*; с другой стороны, по смыслу и синтаксически это сочетание трудно согласовать с последующим *пожнею*. Выход из положения заключается в иной идентификации буквы, прочитанной в издании как *ж*. От нее уверенно читается только вертикальный штрих. Переданный в прориси и хорошо различимый на снимке длинный косой штрих слева имеет значительно меньший нажим и может быть трактован как след небрежного перенесения пишущего инструмента от предыдущей буквы к последующей (такого рода штрихи в берестяных грамотах — не редкость). При такой его трактовке последовательность знаков в начале строки допускает реконструкцию (*в*)олод[ѣт]и, подсказывающую и вероятную конъектуру для конца грамоты: *по (половинамъ)*. Фраза (*в*)олод[ѣт]и имъ пожнею по половинамъ идеально подходит в качестве формулировки судебного постановления, записанного в бессудной грамоте. Ср. в жалованной грамоте великого Новгорода Соловецкому монастырю 1459–1469 гг.: *Тыми острова, землею и водою, ловищами, и тонями, и пожнями володѣти игумену и всимъ старцемъ обители святаго Спаса и святаго Николы по сеи по жаловалнои Великого Новагорода грамотѣ и в вѣкы* (ГВНП: 153).

№ 146 (10-е – 30-е гг. XIV в.; Г 10) [Г]. Предложенная в ДНД конъектура *измот(чавъ)* подтверждается изучением нового снимка, на котором верхние части букв *ча* отчетливо различимы.

№ 147 (20-е – 30-е гг. XIII в.; В 5) [3]. Следует заметить, что представленное в грамоте написание *ѣще* встречается в памятниках чаще, чем простое смешение *е/ѣ*. Например, в Киевской летописи по Ипат. 21 раз представлено *еще* и 14 раз *ѣще*, притом что в Ипат. *е* и *ѣ* смешиваются очень редко (и почти исключительно в окончаниях).

№ 149 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. Вместо *домажи[р]ова ·г· оже ...* следует читать *домажи[р]ова ·г· [ъ] же[р]*..., где *ъ* соответствует окончанию числительного *десять*. Для следующего слова наиболее вероятна конъектура *жер(ебьевъ)*. Ср. перечисление жребиев как земельных долей в относящейся к той же эпохе грамоте № 390 (где, кстати, названы также в общей сложности десять жребиев).

№ 152 (посл. четв. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. В конце 2-й строки читается *при[и]ѣ[л]-* или *при[и]ѣ[о]-*.

№ 167 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 53) [Г]. Во 2-й строке следует, по-видимому, читать: *и[з] Лоствици*, а не *из Лоствиць*, что, впрочем, не проясняет происхождения и географической привязки этого топонима. С полной